

УДК 1(091)(430)

Терещенко Ю. Д.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

МОЛОДОЙ ГЕГЕЛЬ: ПОИСКИ БОГА И САМОГО СЕБЯ

В статье рассматривается основной корпус проблем, поставленных Г. В. Ф. Гегелем на раннем этапе его философствования. Автор доказывает, что феномен, получивший название «молодой Гегель» в философской культуре был переоценен. Исследователи нередко приписывают ранней гегелевской философии его поздние идеи, а также все концепты и интеллектуальные тенденции, которые были популярны среди других просвещенцев его времени. Данная статья сосредоточена на исследовании проекта основания новой религии, зародившегося в самом начале гегелевского философствования, что, по мнению автора статьи, является единственной линией, пронизывающей как раннюю, так и зрелую философию Гегеля.

Ключевые слова: молодой Гегель, Просвещение, диалектика, ранняя система.

У статті розглядається основний корпус проблем, поставлених Г. В. Ф. Гегелем на ранньому етапі його філософування. Автор доводить, що феномен, який отримав назву «молодий Гегель» у філософській культурі був занадто переоцінений. Дослідники нерідко приписують ранній гегелівській філософії його пізні ідеї, а також всі концепти та інтелектуальні тенденції, що були популярні серед інших просвітителів його часу. Дана стаття зосереджена на дослідженні проекту заснування нової релігії, який зародився на самому початку гегелівського філософування, що, на думку автора статті, є єдиною лінією, що пронизує як ранню, так і зрілу філософію Гегеля.

Ключові слова: молодий Гегель, Просвітництво, діалектика, рання система.

The article deals with the main body of problems posed by G. W. F. Hegel at the early stage of his philosophizing. The author proves that the phenomenon, called «young Hegel» in the philosophical culture was overestimated. Researchers often attribute early Hegelian philosophy to his later ideas, as well as all the concepts and intellectual tendencies that were popular with other enlighteners of his time. This article is centered around the study of the founding of a new religion, which originated at the very beginning of Hegel's philosophizing, which, in the author's opinion, is the only line that permeates both the early and mature philosophy of Hegel.

Key words: young Hegel, Enlightenment, dialectics, early system.

Всякий из философов, историков философии и прочих любителей философской премудрости знает о «катастрофе», которая произошла с философской культурой после того, как Г. В. Ф. Гегель подарил западному миру свою «Науку об опыте сознания» (1807 г.), которую после его смерти (в 1832 г.) принялись называть «Феноменологией духа», хотя в разное время, до и после завершения Гегелем своего земного существования, работа выходила и под другими заголовками: например, «Наука феноменологии духа» или «Система наук. Феноменология духа» (Часть 1). Реакция на этот и прочие труды, представленные Гегелем, хорошо известна: «все знания питались от роскошно убранного стола гегелевской мудрости; когда все факультеты толпились в передней философского факультета с целью хотя бы что-нибудь усвоить для себя из возвышенного рассмотрения Абсолютного существа и из неуловимой гибкости прославленной гегелевской диалектики; когда всякий был или последователем Гегеля, или варваром, идиотом, отсталым человеком, презренным эмпириком; наконец, когда само государство считало себя безопасным и прочным, оттого что старик Гегель построил его на началах разумности и необходимости, и потому на искавшего духовной должности или звания наставника, ежели он не был гегельянцем, смотрели у нас почти как на преступника» [1, с. 4].

Вполне естественно, что после такого оглушительного успеха к философии Гегеля – и у его современников, и у исследователей современного нам века – нередко возникает вопрос: как он этого добился? Как удалось ему создать во многом спорные, нередко осуждаемые, но в любом случае величайшие, сложнейшие и донельзя содержательные тексты, титанические с точки зрения усилий автора, а также с учётом того терпения, усердия и выдержки, которые необходимы читателям для их понимания и разбора? Пожалуй, ни один текстуальный феномен не вызвал культурного ответа подобной силы, ведь только Гегель накликал на себя

беспрецедентную интерпретационную беду: такого количества противоречивых и оторванных от аутентичных смыслов пониманий не принимала на себя ни одна фигура. Кто в истории философии понял Гегеля лучше всех? И в конце концов, имеет ли смысл подобное вопрошание?

Ныне очевидно, что, во-первых, сам Гегель из Гегеля непонятен, потому интерпретационная культура каждого нового века творит для себя нового Гегеля, а во-вторых, что раз мы не можем с уверенностью настаивать на том, что мы поняли, *что* сказал Гегель, то лучше попытаемся понять, *что он хотел* сказать, и быть может, смысл задуманного им для философской культуры более значим, чем созданный Гегелем «продукт».

Для осмысления и разрешения перечисленных вопросов исследователи неоднократно обращались к истокам гегелевского философствования, рассматривая тот путь, который прошёл главный немецкий классик до 1807 года. Традиция такого обращения получила название *Молодой Гегель*. Мы, вслед за этой длинной традицией, родившейся ещё при жизни Гегеля из нереализованного проекта Эдуарда Ганса и реализованного проекта Карла Розенкранца, и продолжающейся до сегодняшних дней, попробуем переосмыслить в главных чертах то, что было сказано в адрес Молодого Гегеля.

Объектом нашего исследования является творческое наследие Г. В. Ф. Гегеля, его *предметом* – частный феномен в структуре указанного творчества, то есть – Молодой Гегель. *Цель* работы заключается в пересмотре данного феномена, а возможность её реализации заключена в решении следующих *задач*. Во-первых, необходимо рассмотреть вехи развития раннего гегелевского учения, во-вторых, проанализировать развитие отношения к этому учению в работах разных мыслителей, и в-третьих, нужно попытаться обнаружить наличие или отсутствие тех аспектов, которые позволяют раннему гегелевскому творчеству сохранять интерес к себе на протяжении веков.

Всем известно (если нет, то при желании можно выяснить), что Гегель родился 27 августа 1770 года в Штутгарте, в семье Вюртембергского секретаря счётной палаты, был способным и усидчивым ребёнком, временами учился хорошо, временами – хуже, собирался стать теологом – не стал (если и стал, то исключительно в рамках собственной религии), открытий не делал, на юного гения не походил. Как за этой биографией, довольно заурядной по меркам, например, Шеллинга, разглядеть созревающее величие? По нашему мнению, разглядеть его можно только в том случае, если при разборе раннего гегелевского материала фоном выступает материал зрелой гегелевской философии. Гегелевским почитателям давно пора признать и признаться: молодого Гегеля как самостоятельной философской единицы не существует, и довольно спекуляций на *раннем*, если оно обретает смысл исключительно за счет *позднего*, а само по себе обитает в *невывражаемом*.

Как того требует канон исследований, подобных нашему, рассмотрим персонажей, идеи и тексты, привлекающие *становящегося* Гегеля. В этом случае нельзя не вспомнить о Французской революции, захватившей разум студенческих кругов: Гегель бросается к товарищам с пламенными речами, что удивляет нас, ведь хорошо известно, что во времена своей зрелой преподавательской карьеры Гегель красноречием не отличался, и многие современники, слушавшие его лекции, оставались в разочаровании, и разочарования своего не скрывали [см.: 4]. Здесь же, в русле революционных тенденций, рождается ниточка, связавшая молодого Гегеля с ещё более молодым Шеллингом. Шеллинг не раз затмит собой Гегеля, а финальное противостояние, если о подобном приходится говорить в философской традиции, помимо противостояния прижизненного, состоится уже после смерти Гегеля, когда гегельянцы будут изгнаны с кафедр, которые они занимали практически повсеместно [см.: 5], а Шеллинга пригласят поведать миру о новой, самой верной из философий.

Многие обвиняют Гегеля в том, что он эклектичен, эклектичен по-школьному: его будто бы занимает все, но ни в чем он не делает никаких открытий. Его заботит и биология, ботаника, и анатомия, и физика, и языки, и религия, и право, ради которого он будто бы хотел проститься с семинарией, его интересует Кант, но настоящим кантиацем он так никогда и не станет; его интересуют греки, его интересуется Спиноза, его интересуется Гердер. Считается, что в гегелевской философии из этого периода навсегда останется вопрос о тождественности разумно познанной свободы с разумно познанной необходимостью, здесь же можно попытаться искать главный корень его философствования, заключающийся в попытках согласования частного, конечного

интеллекта с интеллектом всеобщим, абсолютным, субъекта частного, конечного с бесконечным. Но стоит помнить, что на данном этапе творчества Гегель об этих идеях ничего не пишет.

Помимо этого, юного Гегеля волнует то, что волнует всех юных просвещенцев, а именно вопрос о сущем и должном в религии. Вдохновляется он идеей долга, исток которого находится строго в человеческом сердце, и следование такому долгу есть подлинное освобождение (вышеописанная отсылка к познанной необходимости), а также той жизнью, которой жили греки, когда закон признавался каждым из них наивысшей ценностью, боги бродили среди людей, политика понималась как взаимодействие каждого с каждым для достижения гармоничного и справедливого сосуществования (справедливости ради, стоит отметить, что учитывалось мнение каждого, только если он не раб, не женщина и не ребёнок). Единственное, что не устраивало и не могло устраивать Гегеля, – это отсутствие заботы о спасении индивидуальной души. Мало, по мнению Гегеля, греки думали о том, что будет *после*.

Очевидно, что зрелый Гегель мог случиться и состояться только внутри христианской культуры; проект идеализма в целом и гегелевского идеализма в частности – порождение того мышления, основой которого является противопоставление профанного человеческого мира и мира другого, сакрального, трансцендентного первому, но все-таки причастного ему посредством, во-первых, его сотворения, а во-вторых, любви к нему.

Осуществление же христианского мира так, как он сложился, молодого Гегеля не устраивает: профанный мир забыл об истинных ценностях настоящего христианства, сконцентрировавшись на чудесах, описанных в Евангелии (а точнее – на их отсутствии в повседневном опыте), и на таком основании отказался от добродетели – его не заботит добродетель сама по себе, все вокруг ждут награды за свои добрые поступки и не задумываются о моральном ущербе, который они наносят другим посредством своих дурных поступков. И это только один пласт проблем, причём не основной. Основной корпус проблем возникает из-за того, что Христос не справился со своей миссией, да и не мог справиться: божественная любовь, придя в мир, овеществляется, она становится внешней, принудительной стороной жизни верующих, но не скрепляет их изнутри, не приводит отдельного субъекта к тому, чтобы подчинить свою волю службе другим, растворить себя в любви к другим и пр. Большим преимуществом христианской религии является её космополитизм: каждый на Земле – брат, а не варвар, чужак, и внутри христианства присутствует стремление к духовному, а не к гражданскому единству.

Чего христианству все же не хватает? Почему миссия Христа – который все же не справился с ней, а значит может считаться исключительно пророком – провалилась? – Потому что одного эмоционального единства недостаточно, нужна ещё и разумная, осознанная связь. Внутренняя разумная мотивация каждого должна совпасть с его же внутренним чувством с одной стороны, а с другой стороны, с такой же мотивацией и внутренним чувством других.

Итак, Гегель удаляет из христианства все чудеса, полагая, что подлинной, становящейся религии нужно больше отдачи каждого верующего друг другу, а также *забота о разуме* внутри частной жизни и жизни с другими. Стоит признать, что такой проект не отличается ни оригинальностью, ни глубиной, более того, он существенно уступает материалу, который был наработал классиками немецкой философии до Гегеля. И дело, по нашему мнению, не в том, что молодой Гегель был не в состоянии должным образом реформировать состоявшееся к его времени христианство, а потому, что состоявшееся к его времени христианство уже нельзя было реформировать; Гегель ищет Бога, мечтает о спасении религии, но все это надежды на то, чего уже нет, и самые ранние последователи и интерпретаторы Гегеля начнут пытаться доказывать: Бога нет. По крайней мере, Бога прежнего.

В этапах развития гегелевского творчества до 1807 г. просматривается тенденция к смерти прежнего Бога, причем можно предположить, что это был осознанный «ход» для самого Гегеля, ведь в противном случае он бы не пытался осознать, примирить и воплотить в единстве феноменальный и ноуменальный миры, абсолютное и явленное, потенциальное и актуальное, в конце концов – веру и разум. Примерно в это же время (после смерти отца) у Гегеля возникает интерес к логическим проблемам в посткантiansком идеализме, тогда же Гегель начинает пользоваться диалектикой, которой, по его словам, он научился у платоновского «Парменида» [6, с. 36].

Отчасти перечисленные идеи и приемы, разбросанные по отдельным текстам, многие из которых полностью или частично утеряны, концентрируются во «Фрагментах системы» 1805-1806 гг., состоящей из Логике (утерянной), Философии Природы (над которой, как утверждают, Гегель работал на протяжении всей жизни и которой во многом обязан Шеллингу) и Философии Духа (с первыми утерянными страницами) [6, с. 38]. Философия Духа – наиболее интересующая нас часть – является истоком объяснения процесса будущей смерти Бога, что очень по-гегелевски, и не занимается апологией, обвинением или прояснением сущности того Бога, которого культура знала ранее. Приступая к анонсированной философии божественной действительности, Гегель растворяет её во всем: субъективном духе, рождении языка, государстве, гражданском обществе и многом другом, растворяет настолько искусно, что ближайшие комментаторы (например, К. Маркс, Л. Фейербах) Бога там не находят.

Таким образом, мы приходим к следующему. Проект молодого Гегеля по реформации прежней религии предполагал сперва формальные «шаги», заключающиеся лишь в корректировке христианской традиции, а после – «шаги» более глобальные, которые состояли в рассмотрении всех сторон божественной действительности, то есть в осознании и утверждении того, что Бог несводим к теологическому и околотеологическому его представлению, что Он неотделим от истории, физики, политики, антропологии и пр. Это и привело к тому, что западная философия, случавшаяся после Гегеля, элиминировала из своей истории божественный эпизод. Дело по устранению Бога из той проблематики, которой нужно заниматься в поле философии, начатое И. Кантом, Гегель завершил. Потому и был назван «последним христианским мыслителем» [7, с. 236].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайм Р. Гегель и его время / Рудольф Гайм ; [пер. с нем. П. Л. Соляникова]. – Санкт-Петербург : Наука, 2006. – 392 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : [в 2-х т. ; т. 1] / Г. В. Ф. Гегель ; [пер. с нем.; составление, общая редакция и вступительная статья А. В. Гулыги]. – Москва : Мысль, 1970. – 668 с. – (Философское наследие).
3. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : [в 2-х т. ; т. 2] / Г. В. Ф. Гегель ; [пер. с нем.; составление, общая редакция и вступительная статья А. В. Гулыги]. – Москва : Мысль, 1971. – 630 с. – (Философское наследие).
4. Чижевский Д. И. Гегель в России / Д. И. Чижевский. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 411 с.
5. Вейль Э. Гегель и государство. Пять докладов / Эрик Вейль ; [пер. с фр. Ю. В. Быстрова]. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2009. – 282 с.
6. The Cambridge Companion to Hegel / [edited by Frederick C. Beiser]. – Cambridge, United Kingdom : Cambridge University press, 1999. – 522 p.
7. Smith G. Between eternities: on the tradition of political philosophy, past, present and future / Gregory Bruce Smith. – Lanham, Maryland, USA : Lexington Books, 2008. – 668 p.

УДК 321 (075.8)

Шаповал Н. В.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ГАРМОНИЯ ВЛАСТНОГО И ПОДВЛАСТНОГО НАЧАЛ КАК ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН ПРИРОДЫ ПО АРИСТОТЕЛЮ

В статье исследуются взгляды Аристотеля относительно природы властных отношений, субъекта власти вообще и специфической природы государственной власти. Подробно рассматривается принцип властвования и подчинения в качестве общего исходного принципа человеческого взаимодействия, который имеет свои специфические конструктивные и деструктивные проявления в таких общениях, как семья и государство. Чем выше по своей структуре целое, тем сложнее система властно-подвластных отношений. Наиболее сложными они являются в тех целостных системах, где